

Заповедный мотив...

В этом году государственный природный заповедник «Белогорье» отмечает своё 90-летие

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

**Ярослав МАКАРОВ,
Анастасия РУСАНОВА (фото)**

Первое, что буквально ударило в голову, когда мы очутились в лесу, - одуряющий аромат пёстрого ковра первоцветов, распускающихся дубовых почек, коры, прелой листвы и ещё Бог знает чего. Прозрачная стена разновозрастных дубов, поваленные стволы, огромные трухлявые пни. Как пух мягкая, не знавшая колеса и плуга земля. Хриплый лай потревоженной лисицы... На первый взгляд, беспорядочная, но размеренная и устоявшаяся за века жизнь.

По соседству

Заповедник «Белогорье», начало которому было положено в 1924 году, - едва не самый маленький в России. Один из шести его участков - «Лес на Ворскле» - площадью примерно три на четыре километра. Рядом - Борисовка, буквально за дворами некоторых домов - заповедные уг-

миг только косули, да ещё вокруг порхали бабочки и птицы. Чем умнее животное, тем твёрже оно знает: от человека лучше держаться подальше.

Хозяин леса

Александр Шаповалов, принявший «Белогорье» в 1997 году, - настоящий лесовик. Неторопливый в движениях, добродушно улыбающийся, он, кажется, может бесконечно водить гостей по заповедной дубраве и одновременно рассказывать о её тайнах. За спиной Александра Семёновича - более 30 лет природоохранной службы. Особая гордость - воспоминания о Бадыхском заповеднике в Туркменистане. Граница с Ираном и Афганистаном, миллионы гектаров сурового среднеазиатского ландшафта, бесконечные стада копытных, перестрелки с браконьерами...

- Всё было по-взрослому, -

да люди ходили в заповедник как к себе во двор: стреляли, валили деревья... Ежегодная рубка леса была на уровне лесхозовской - до тысячи кубометров в год. Сейчас это прекратилось, да и браконьерство - большое ЧП. Животные чувствуют защиту и стекаются сюда из соседних охотхозяйств. Уже сегодня концентрация копытных, рассказывает Александр Шаповалов, намного превышает норму. Кабаны перерывают землю, косули подъедают молодые побеги, меняя динамику лесовосстановления. Поэтому о полностью естественном развитии экосистемы говорить, к сожалению, не приходится. Правда, помогают окрестные поля - многие животные в лесу больше живут, а кормятся на них. Такой вот «спальный район». Спасает и пойменный участок Ворсклы, который в состав заповедника пока не входит. Здесь, говорит Александр Шаповалов, 80-90% кормовой базы обитателей заповедника. Пока пойма не используется, заросла после выпасов, но если её вдруг начнут эксплу-

лять, то это отличается от леса. Дубрава величественно и просто открывают глаза на извечный круговорот всего живого. Вот могучий дуб с раскрывшимися почками. Рядом - его сверстник, ещё стоит, но ветви уже сухие и обломанные. В полусотне метров - упавший великан с вывороченными корнями. Микроорганизмы уже превратили ствол в пористую губку, и если попрыгать на нём, то ноги ощущают пружинистую мягкость перины. Неподалёку длинный хвост из остатков коры - самой древесины уже нет, а ещё дальше - узкая травяная полоса на земле, принявшей в себя исчезнувшего патриарха леса. Так перед потрясённым человеком за несколько мгновений предстают целые века.

Как по годичным кольцам можно определить возраст и судьбу дерева, так и дубрава может рассказать опытному глазу не только о своей истории, но и о дальнем прошлом нашего края. Заповедник - это живая хронологическая лента. Век человека недолог, и одному поколению не под силу проследить жизнь дерева, изменения климата и ландшафта. А для дуба 300-400 лет - половина жизни, время зрелости. Самые геобиологии, включаясь в древесный ритм жизни, привыкают измерять прошлое не годами и десятилетиями, а веками. И как раз века наглядно демонстрируют всю недобрую мощь воздействия человека на живую природу.

что адвокатам природных палов, считающим, что «жгли всегда - и было нормально», стоило бы побродить по последней европейской нагорной дубраве. Увидеть - как было и что пожгли. Ещё один период усиленной эксплуатации дубрав пришёлся на заселение нашего края в XVI-XVII столетиях. Не случайно самые древние деревья «Леса на Ворскле» не старше трёх-четырёх веков. А ведь дуб спокойно может жить 500-900 лет при одном условии - если его не срубят. 15 гектаров дубравы вывели в революцию, в прошлом году на вырубке наконец-то посадили молодые дубки. Похозяйничали в период оккупации - по меркам заповедника это вчера - немцы. Но в заповеднике надеются, что нынешние столетние деревья через два-три века станут в дубравном сообществе уверенным большинством. Если позволит человек.

Понять, чтобы управлять

Кажущееся спокойствие заповедника скрывает ежедневную, кропотливую работу. «Белогорье» изучают учёные академических институтов Москвы, Петербурга, их зарубежные коллеги. Цель исследований - восстановить историю экосистем современного послеледникового периода - голоцен - за последние 10-12 тысяч лет. Понять, как меняется живая природа, найти

Белгородские юные биологи - непременные участники Марша парков

дья. По образному выражению директора заповедника, в лесную глуши доносятся и собачья перекличка, и солёное словцо, и паровозный свисток. Но как раз освоенность человеком нашего региона и придаёт маленькому «Белогорью» особую ценность.

- Заповедник - эталон, по которому сверяются природные процессы, - поясняет Александр Шаповалов. - Белгородские природные «пятачки» имеют значение даже большее, чем природные парки в миллионы гектаров в тайге или тундре. Как раз там заповедник от других территорий практически не отличается. «Белогорье» же - тот золотник, который мал, да дорог. «Лес на Ворске», например, - это кусочек лесных массивов прошлого. Здесь находится единственная и последняя в Европе нагорная вे�ковая дубрава.

Характерно, что это цельное, насыщенное природное сообщество. На небольшой площади представлено, например, всё семейство куньих - от куниц и хорей до ласки и горностая. Встречаются все живущие в Белгородской области летучие мыши. До 70 видов млекопитающих, 200 видов птиц, 9 видов земноводных и 6 - пресмыкающихся, 10 тысяч разновидностей насекомых и беспозвоночных. Всё это летает, ползает, крадётся и скачет среди сотен видов высших растений, неимоверного разно-

пряча усмешку, говорит наш собеседник.

Но и «Белогорье» он явно любит. А гостей, которые по неопытности позволяют себе «пройтись» насчёт размеров заповедника, учит по-своему. С удовольствием вспоминает случай, когда несколько часов петляя по дубовым дебрям с группой заезжих коллег. Уже спускалась темнота, экологи в смятении предвкушали ночёвку в глухом лесу, когда Александр Семёнович наконец скользнул над гостями и, пройдя ещё сто метров... вывел их на асфальт, где уже ждала машина.

Свои трудности

Кстати, что касается браконьеров, - бывают и здесь. Но гораздо меньше, чем в начале 90-х, ког-

атировать - «Лесу на Ворске» в нынешнем виде придёт конец. Наверняка это понимают не только в заповеднике.

Заботят директора и другие проблемы. Настоятельно требует обновления инфраструктура заповедника, в том числе Музей природы. Необходимо и расширение участков заповедника - на существующей площади устойчивый экологический баланс поддерживать достаточно трудно. Участок «Ямская степь» - уникальная площадка разнотравной степи неподалёку от Губкина - ждёт перехода от сенокосов к полувольному выпасу диких копытных.

Кольца времени

Александр Шаповалов наглядно демонстрирует гостям, чем

Топором и огнём

Оказывается, ландшафт, который привыкли видеть белгородцы, весьма молод. По словам Александра Шаповалова, наша местность подвергалась антропогенному воздействию с незапамятных времён. «Лес на Ворске» - это крошечный остаток могучих дубрав, некогда украшавших территорию нынешней Белгородской области. Их истребление началось не вчера. Из древесины можно было сделать всё - инструменты, оружие, дом, защитную стену. А какое дерево в наших местах ценнее, крепче и долговечнее дуба?

- Наверное, первое массированное нашествие на эти леса было в скифский период, - говорит директор заповедника. - В паре километров отсюда - скифское городище, площадь его около 10 гектаров, в своё время было опоясано тремя рвами и обнесено дубовым частоколом. Понятно, откуда брали дубы.

Исследования, которые сейчас проводятся на базе заповедника, показывают, что скифы не только рубили лес, но и выжигали, целенаправленно или попутно. Да и славяне широко практиковали подсечное земледелие. Так

эффективные методики управления геобиологическими процессами. Благо, изучать здесь есть что.

- Приезжали шведские биологи - специалисты по грибам, - улыбается Александр Семёнович. - Зашли в лес, сели на первый упавший дуб и так целый день на нём просидели, изучая. Безмерно счастливые, вернулись под вечер и рассказали, что нашли вторую в Европе точку произрастания одного из редчайших грибов.

Вторая, главная задача - мониторинг состояния заповедных природных комплексов и постепенный переход к прогнозированию их развития. В этом смысле лес превращается в настоящий информационный ресурс, который может подсказать, как правильно пользоваться природными богатствами. Пока, считает Александр Шаповалов, получаемые в заповеднике знания используются не полностью, но жизнь непременно заставит это делать.

История заповедника продолжается. В течение юбилейного для «Белогорья» года «Белгородские известия» продолжат рассказывать об уникальной природной жемчужине нашего края.